

УДК 81.161.1
ББК 81.411.2-7

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНТРАСТА В «ДВУЧАСТНЫХ РАССКАЗАХ» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Л.М. Савина

В статье рассматриваются способы реализации композиционно-стилистического принципа контраста в тексте «Двучастных рассказов» А.И. Солженицына. На основе лексико-семантической характеристики узуальных и окказиональных глаголов и существительных, которые выступают стержневыми элементами различных приемов сопоставления и противопоставления, выявляются способы выражения авторской позиции, создания образов, играющие важную роль в реализации художественного замысла писателя.

Ключевые слова: художественный текст, стилистические средства, стилистический прием, композиционно-стилистический принцип контраста, проза А.И. Солженицына.

Современные процессы, оцениваемые филологами и как оскудение, и как демократизация русского литературного языка [8; 13; 22], ориентируют исследователей на изучение идиостиля современных отечественных писателей, внимательных к живому слову. Ученых интересуют принципы взаимодействия в художественном произведении литературной и простой русской речи, приемы и способы индивидуального словоупотребления, авторское осмысление языковых единиц в широком контексте, их функции [21]. Такие исследования способствуют более глубокому и полному представлению о многообразии родного языка современной эпохи, позволяют охарактеризовать особенности формирования русской языковой личности в ее речевом проявлении, представить особенности мировосприятия автора, его эстетические и нравственно-философские взгляды [11; 20].

С этой точки зрения несомненный интерес вызывает литературный и общекультурный феномен произведений А.И. Солженицына, эстетические принципы которого связаны

с идеей языкового (словарного) расширения [16], этические – с утверждением слова правды [18, с. 17–26]. Анализ лингвистической литературы [2; 7; 9], посвященной творчеству А.И. Солженицына, свидетельствует о том, что принципы и приемы, формирующие стиль, выражающие художественное мировоззрение и авторскую индивидуальность писателя, практически не изучены. Это обуславливает актуальность предпринятого нами исследования.

В 90-е годы XX века возврат писателя к «малой форме», с которой в 60-е годы началось его творчество, связан с циклом «Двучастные рассказы» (1995–1998) [18, с. 491–628]¹. О своем замысле А.И. Солженицын писал: «Давно я задумал и томлюсь по жанру рассказов *двучастных*. Этот жанр – просто сам просится в жизнь. Мне видится несколько типов или видов таких рассказов. Простейший: один и тот же персонаж, или два-три их, в обеих частях-половинках, но разделенных временем – хоть малым, хоть годами... Второй тип: половинки связаны общей темой или идеей, а персонажи – совсем разные. Третий тип: связь половинок может состоять в каком-либо предмете, событии, коснувшемся обеих» [17, с. 33].

Литературоведы и критики определяют «двучастность» рассказов А.И. Солженицы-

на как сложное и многоуровневое понятие: композиционное, семантическое, мировоззренческое [15], связанное с физическим принципом дополнительности [10], получившим широкое распространение в философии, литературе и лингвистике [4; 5; 14]. Данный принцип отражает логическое соотношение между двумя способами описания или наборами представлений, которые, хотя и исключают друг друга, оба необходимы, дает полную информацию о явлениях как о целостных. С этой точки зрения двучастное строение произведений – это попытка автора рассмотреть жизнь в ее сложности, в столкновении субъективного и объективного, двух эпох, двух поколений, двух мировоззренческих течений внутри каждого поколения и в каждом отдельном человеке и т. д.

Как свидетельствует материал, авторский замысел произведения реализуется с помощью приема контраста, обнаруживающегося в противопоставлении событийно-временных периодов, образов персонажей, различных точек зрения на одно и то же явление и др.

В лингвистической традиции контраст, основанный на закономерностях человеческого восприятия и познания, рассматривается как тенденция человеческого ума в стилистической обработке [1, с. 194], как один из универсальных художественных и фундаментальных композиционно-стилистических принципов организации речи [3, с. 47]. Психологическую основу принципа выявил Л.С. Выготский, показав, что процесс восприятия произведения «заключает в себе эффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение – катарсис» [6, с. 279]. Такое понимание контраста позволяет выделить его важнейшие характеристики: субъективность, гиперболичность, ассоциативность, возможность представлять при синтагматической смежности в качестве контрастных любые различия, а не только предельные (БСЭ, с. 67).

Языковые средства воплощения контраста, его роль в формировании замысла рассказов рассматриваются нами на материале глаголов и существительных, используемых

в составе приемов, способствующих проявлению творческой индивидуальности в художественном произведении [12, с. 36].

В анализируемых произведениях принцип контраста реализуется, как правило, с помощью приемов акротезы и антitezы. Акротеза, выделяемая в высказывании, равно предложению, используется для выражения отношений утверждения одной из противоположностей путем отрицания другой и может быть представлена структурно-семантическими схемами *не X, а (но) Y; X, а не Y*. Антитеза выявляется в предложении, сверхфразовом единстве, широком контексте произведения. Данный прием способствует воплощению отношений противопоставления противоположностей – *X, а (но) Y*; соединения – *X и Y*; разделения – *X или Y*; сопоставления, сравнения – *X поверней Y; X не то что Y*.

В тексте рассказов автор использует акротезу с отрицательно-утвердительно (*не X, а (но) Y*) и утвердительно-отрицательно (*X, а не Y*) расположением частей. Данный прием реализуется словесными оппозициями, выделяемыми в зависимости от частеречной принадлежности стержневого элемента: *глагол – глагол, существительное – существительное, существительное – глагол*.

Анализ показывает, что глагольные пары составляют единицы с дифференциальными семантическими признаками ‘действовать свободно’ – ‘действовать по принуждению’; ‘лишить значения (положения)’ – ‘придать значение (положение)’; ‘физиологическое действие’ – ‘интеллектуальное действие’. Противопоставление *существительное – глагол* реализуется на основе признака ‘действие для достижения политической цели’ – ‘действовать для получения объекта в свое распоряжение’. Данные оппозиции включают нейтральную глагольную лексику и зафиксированную в современных словарях со стилистической пометой «разговорное»: *...и тут надо не зевать, а видеть потаенное* (с. 547); *Но черт его знает, скопировали в точности, а секреты какие-то не ухватили...* (с. 580); *...и не выборы главное, а хватать помещичью землю* (с. 494).

Пары существительных выделяются на основе таких дифференциальных семантических признаков, как ‘усиление положения

субъекта' – 'уничтожение субъекта'; 'наличие физических и душевных сил' – 'отсутствие физических и душевных сил'; 'источник состояния' – 'место действия'; 'труженик – грабитель'. В составе оппозиций противопоставленными оказываются единицы узуальные и окказиональные: *Москва!.. Не могло быть города прекрасней Москвы, сложившейся не холодным планом архитектора, а струением живой жизни многих тысяч и за несколько веков* (с. 546). Существительное *план* в значении «чертеж, изображающий в масштабе на плоскости местность, предмет, сооружение и т. п. с полным сохранением пропорций» (МАС, т. III, с. 132) в сочетании с прилагательным *холодный*, то есть «рассудочный или безразличный, равнодушный» (там же, т. IV, с. 616), создает представление о плоском, упрощенном творении человеческого разума, не передающем многообразия бытия. Окказиональное существительное *струение* с семантикой процессуальности, образованное от глагола поступательного движения *струиться*, то есть «распространяться струей, узким потоком» (там же, т. IV, с. 292), в контексте с тавтологическим сочетанием *живой жизни* позволяет передать естественное, непрерывное течение жизни города и многих поколений людей, его населяющих. Отрицательно-утвердительно-расположение компонентов оппозиции актуализирует истинное суждение, способствует выражению оценки автора и персонажа.

В тексте рассказов акротеа используется для указания на неожиданный результат действия, вывод: *Только не сняли его, а возвысили в секретари обкома* (с. 581); *Значит это шаг не к возвышению, а в гибель* (с. 516); уточнения: *И потекли на те должности – крестьяне лишь по рождению, а не по труду* (с. 547); создания художественного образа: *Москва!.. Не могло быть города прекрасней Москвы, сложившейся не холодным планом архитектора, а струением живой жизни многих тысяч и за несколько веков* (с. 546); установления приоритетов: *...и не выборы главное, а хватать помещичью землю* (с. 494); *...основной тон нашего молодняка – бодрость, а не уныние* (с. 548); коррекции: *...и тут надо не зевать, а видеть*

потанное (с. 547); *Литература не предмет для наслаждения, но поле борьбы* (с. 548). Использование глаголов и существительных в составе акротеа позволяет автору показать столкновение двух различных точек зрения на какое-либо явление действительности, охарактеризовать социальное положение субъекта, передать его восприятие событий и оценку реалий.

Прием антитезы реализуется словесными оппозициями *глагол – глагол, существительное – существительное*. Пары составляет глагольная лексика с дифференциальными семантическими признаками 'активно действовать для достижения цели' – 'бездействовать'; 'двигаться вверх' – 'двигаться вниз'; 'связать какими-либо отношениями' – 'разлучить'; 'окончиться' – 'продолжить прежнее существование'; 'существовать' – 'прекратить существование'; 'достичь цели' – 'не достичь цели'. Существительные составляют оппозиции на основе таких признаков, как 'наличие какого-либо чувства' – 'отсутствие какого-либо чувства'; 'нравственное суждение' – 'физическая сила'; 'положительное чувство' – 'отрицательное чувство'; 'субъект, действующий в союзе' – 'субъект, находящийся в состоянии вражды'; 'субъект, имеющий законное право на власть' – 'не имеющий права'; 'размеренное перемещение' – 'резкое перемещение'; 'конкретное действие' – 'отвлеченное действие'. Данные противопоставления включают нейтральную глагольную и именную лексику и зафиксированную в современных словарях со стилистическими пометами *разговорное, книжное*, а также пары узуальных и окказиональных существительных: *Когда уже и все расходились с совещания, Жуков пошел с каким-то встрявшим в него новым чувством – и одарения, и высокого примера, и зависти* (с. 512). Окказиональное образование *одарение* связано с глаголом передачи объекта *одарить*, то есть дать кому-либо что-либо в подарок, и имеет высокую стилистическую окраску, характеризуя эмоциональное состояние человека, испытывающего противоречивые чувства, обозначенные существительными положительной оценки (*пример*) и отрицательного отношения субъекта к окружающему миру (*зависть*).

В текстах отмечены единичные случаи реализации антитезы с помощью однокоренных и разнокоренных антонимов: *Деньги соединили их – деньги и разъединили* (с. 600); *И тут – Емцова внезапно внесло, как когда-то перед Хрущевым, или когда взялся выпускать лазерные гироскопы, – сразу страх и бесстрашие...* (с. 582); *Как бывает в жизни – беда к беде, а счастье к счастью, – тут и женился второй раз, Галина на 31 год моложе* (с. 526); *Или наш союзник, или враг!* (с. 548). С большей частотностью автор включает в состав антитезы слова, которые в узусе не выражают противоположных значений: *...как в воздухе летел бы без крыльев – вот взмоешь или разобьешься* (с. 582). В приведенном примере выделяется пара *взмыть – разбиться*. Глагол *разбиться*, будучи противопоставленным в контексте глаголу *взмыть* «стремительно взлететь» (МАС, т. I, с. 169), реализует значение «погибнуть при катастрофе, падении с высоты и т. п.» (там же, т. III, с. 585), в котором актуализируется семантика направленности вниз.

Оппозиции глаголов и существительных в составе антитезы реализуют отношения соединения (*X и Y*; и *X*, и *Y*) и разделения (*X* или *Y*). В тексте рассказов данные языковые средства используются для утверждения противоположных явлений или указания на предел проявления отношений, совершения действий и способствуют передаче противоречивого психологического состояния субъекта: *И тут – Емцова внесло, как когда-то перед Хрущевым, или когда взялся выпускать лазерные гироскопы, – сразу страх и бесстрашие, как в воздухе летел бы без крыльев – вот взмоешь или разобьешься? – поднял руку просить слово, вверх и с наклоном к Устинову!* (с. 582); созданию представления о непримиримых общественных позициях: *Всю эту пыльнаяковщину, ахматовщину, всех этих серапиончиков и скорпиончиков надо или заставить равняться на пролетарскую литературу, или выметать железной метлой, примирения быть не может; Никаких «попутчиков», – отбрасывал Шурик, – вообще не может существовать! Или наш союзник, или враг!* (с. 548).

Противопоставленные существительные, выражающие отношения сравнения (*X поверней Y*; *X не то что Y*), употребляются в произведении для выражения оценки, утверждения одного из противопоставляемых явлений реальной действительности за счет сопоставления с другим: *А вот сельская кредитная кооперация может оказаться путем куда поверней всемирного перескока к окончательному счастью* (с. 491); *Но Эктон все более укреплялся в том, что не требует никакого оправдания повседневная помощь крестьянину в его текущих, насущных нуждах, облегчение народной нужды в любой реальной форме – не то что в отвлекающей проповеди сельских батюшек и отвлекающей твердилке церковно-приходских школ* (там же).

Глаголы в составе развернутой антитезы реализуют отношения противопоставления. На грамматическом уровне отмечен способ воплощения приема с помощью видовременных форм, по-разному выражающих отношения между действием и субъектом действия, имеющим статус подлежащего [19, с. 41–43]: *Да взветрили тебя пыхом-духом – но перед ребятами нисколько не стеснительно, потому что в том нет никакой кривины: ты ничего не добивался, не хитрил, а вот – вынесло, само* (с. 578). В приведенном контексте выявляется оппозиция *ты... не добивался, не хитрил, а... вынесло*, где предикат в двусоставной конструкции с семантикой определенного лица, репрезентируемой морфолого-синтаксическим способом по связи с личным местоимением 2 л. ед. ч. *ты*, противопоставлен глаголу в безличном употреблении, что способствует созданию представления о движении субъекта вверх в социальной иерархии, которое зависит будто бы не от его активных действий, а от благоприятного стечения обстоятельств. Употребление окказионального глагола *взветрить* в неопределенно-личной конструкции в сочетании с выражением *пыхом-духом* подчеркивает внезапность и быстроту продвижения героя по карьерной лестнице с чьей-либо помощью.

В рассказе «Абрикосовое варенье» повествование об уничтожении векового уклада жизни крестьянина А.И. Солженицын ведет от лица персонажа: *Отвеку жили мы в*

селе Лебяжий Усад Курской губернии. Но положили отруб нашему понятию жизни: назвали нас кулаками за то, что крыша из оцинкованной жести, четыре лошади, три коровы и хороший сад при доме... А когда раскулачники вымогали от нас, где чего у нас спрятано, то иначе, вот, мол, лучшее дерево срубим... И порубали его (с. 556).

В данном фрагменте выявляется антитеза *отвеку мы жили* – (они) *положили отруб*... понятию жизни, в которую включаются глагольно-адвербиальное сочетание (*отвеку ...жили*) с семантикой длительного существования и глагольно-именное сочетание (*положили отруб*) с контекстуальным смыслом «прекратить, прервать, изменить». Первый член оппозиции является предикатом в двусоставной конструкции, в которой семантика определенного лица репрезентируется морфолого-синтаксическим способом по связи с личным местоимением 1 л. мн. ч. *мы*, и противопоставляется глаголу в неопределенно-личном употреблении. Выбирая такой способ языкового воплощения, автор будто становится на точку зрения говорящего (*мы жили*) и противопоставляет себя и тех, от чьего имени он выступает, представителям новой власти: (они) *«положили отруб нашему понятию жизни»*. Передавая речь *«раскулачников»* (*иначе, вот, мол, лучшее дерево срубим*), не соединяя себя с теми, кто насильственно разрушает основы крестьянской жизни, автор использует глагольную форму 1 л. мн. ч. в односоставной определенно-личной конструкции (*срубим*). Неопределенно-личное употребление глагола *порубали* (*И порубали его*) представляет отстраненный, объективный взгляд автора на описываемые события. Анализ фрагмента свидетельствует о сопряжении в данном контексте трех семантических признаков глагола *порубали*: конкретного – ‘воздействие на неодушевленный объект’ (порубать дерево); обобщенного – ‘лишение жизни живого существа’ (порубать кулаков как класс); образного – ‘уничтожение’ (порубать «понятие жизни»). В семантике данной словоформы, связанной с действием, направленным на объект и на субъект, содержится авторская оценка реалий.

Актуализация лексико-семантических признаков глагола и существительного в рам-

ках приема антитезы способствует изображению подневольного положения человека и отношения к нему власти, а также созданию образа уничтоженного дерева как символа крестьянского быта и бытия, уклада «самой нутряной России», к которой нет возврата.

Важнейшими стилистическими приемами воплощения контраста в «Двучастных рассказах» А.И. Солженицына являются акроте́за и антитеза, используемые писателем для выражения различного рода отношений – утверждения одной из противоположностей путем отрицания другой, соединения, разделения, сопоставления, противопоставления. Стержневыми элементами выражения понятий и явлений окружающей действительности, значимых для писателя, в составе названных приемов являются оппозиции глаголов и существительных, выделяемые на основе лексико-семантических, стилистических, семантико-словообразовательных дифференциальных признаков. Проанализированные языковые средства и приемы формируют различные способы реализации принципа контраста, определяющего стилистическую организацию произведений писателя.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Далее при цитировании этого издания в круглых скобках указывается номер страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : Изд-во ин. лит. – 394 с.
2. Белопольская, Е. В. Роман А.И. Солженицына «В круге первом»: Проблематика и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Белопольская Елена Владимировна. – Ростов н/Д, 1996. – 180 с.
3. Бочина, Т. Г. Контраст как речемыслительная универсалия / Т. Г. Бочина // Исследования по русскому языку : сб. ст. к 70-летию проф. Эмилии Агафоновны Балалыкиной / под ред. В. М. Маркова. – Казань : Каз. гос. ун-т, 2007. – С. 47–56.
4. Вершинин, И. В. Принцип дополнительности в методологии литературоведения / И. В. Вершинин // Знание. Понимание. Умение. Филология. – 2008. – № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Vershinin/#>.

5. Волошин, В. В. Принцип дополнительности и философия: проблема релевантности / В. В. Волошин // Вісник Донецького національного університету. Сер. Б, Гуманітарні науки. – Вип. 1. – 2009. – С. 172–180.
6. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Искусство, 1968. – 575 с.
7. Горвая, И. Г. Авторские окказионализмы в романе А.И. Солженицына «Красное колесо» / «Август четырнадцатого»: на материале сложных прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Горвая Ирина Геннадьевна. – СПб., 2009. – 23 с.
8. Грановская, Л. В. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: очерки / Л. В. Грановская. – М.: Элпис, 2005. – 448 с.
9. Злобин, А. А. Семантика и функционирование слова *свобода* в произведениях А.И. Солженицына: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Злобин Андрей Александрович. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.
10. Лебедев, П. Еще раз о личности в истории («Двучастные рассказы» Солженицына) / П. Лебедев. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2008/04/14/192>.
11. Лопушанская, С. П. Идиостиль Евгения Кулькина в этнолингвистическом освещении / С. П. Лопушанская // Стрежень: науч. ежегодник. Вып. 3. – Волгоград, 2001. – С. 327–330.
12. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб, 1996. – 848 с.
13. Мельникова, С. В. О роли слов лексического потенциала в идиостиле А.И. Солженицына: (На примере лексико-словообразовательных диалектизм «Русского словаря языкового расширения») / С. В. Мельникова // А.И. Солженицын и русская культура. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – С. 259–263.
14. Новиков, Л. А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание / Л. А. Новиков // Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов. – М.: Рус. яз., 1985. – С. 5–30.
15. Пшебинда, Г. Рассказы Солженицына польски / Г. Пшебинда // Новая Польша. – 2001. – № 7–8. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.novpol.ru>.
16. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. – 3-е изд. – М.: Рус. путь, 2000. – 280 с.
17. Солженицын, А. И. Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть четвертая (1987–1994) / А. И. Солженицын // Новый мир. – 2003. – № 11. – С. 32–97.
18. Солженицын, А. И. Нобелевская лекция; Рассказы: 1959–1966; Крохотки: 1959–1969; Раковый корпус: повесть; Двучастные рассказы: 1993–1998; Крохотки: 1996–1999 / А. И. Солженицын. – М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2004. – 672 с.
19. Тупикова, Н. А. Формирование категории ин-персональности русского глагола / Н. А. Тупикова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – 263 с.
20. Тупикова, Н. А. Выражение ин-персональности в языке произведений волгоградского писателя Е.А. Кулькина / Н. А. Тупикова // Стрежень: науч. ежегодник. – Вып. 3. – Волгоград: Издатель, 2001. – С. 331–333.
21. Тупикова, Н. А. Развитие категории простонародности в русском литературном языке / Н. А. Тупикова // Русистика: сб. науч. тр. – Вып. 7. – Киев: ВПЦ «Киев. ун-т», 2007. – С. 8–12.
22. Химик, В. В. Предисловие / В. В. Химик // Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб.: Норинт, 2004. – С. 5–12.

СЛОВАРИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- БСЭ – Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 13 / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1973. – 608 с.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньев. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

STILISTIC MEANS AND DEVICES OF EXPRESSING CONTRAST IN “TWO-PART STORIES” BY A.I. SOLZHENITSYN

L.M. Savina

The author considers various means of contrast expressing as a composite-stylistic principle in “Two-part stories” by A.I. Solzhenitsyn. The key elements of comparison and opposition devices are established on the basis of the lexico-semantic specifics of common and occasional verbs and nouns; ways of the author’s position realization, as well as image creation devices are pointed out.

Key words: *fiction text, stylistic means, stylistic device, composite-stylistic principle of contrast, prose by A.I. Solzhenitsyn.*